

ISSN 0042-8744

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

12

2013

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 12

 НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2013

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук*

“НАУКА”

СОДЕРЖАНИЕ

- Обсуждение книги академика В.С. Стёпина “Цивилизация и культура”. Материалы “круглого стола”. Участники: В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, А.А. Гусейнов, А.С. Запесоцкий, И.Т. Касавин, Е.А. Мамчур, Н.М. Смирнова, В.С. Стёпин, В.Г. Федотова, И.В. Черникова..... 3

Философия, культура, общество

- М.С. Киселева** – Концепт выбора в христианской и постхристианской культурах..... 48

Философия и наука

- С.В. Девятова, В.И. Купцов** – Феномен научной революции XVII века..... 59

Из истории отечественной философской мысли

- И.В. Воронцова** – Синтез науки и религии, опыта и веры в богословии архимандрита Феодора (Бухарева)..... 68
- В.И. Коцюба** – Духовно-академическая философия в освещении прот. В.В. Зеньковского. Часть II. Становление философии в России, духовно-академическая философия, православная философия..... 78
- А.В. Малинов** – Основные принципы неокантианской философии истории А.С. Лаппо-Данилевского (к 150-летию со дня рождения)..... 89
- А.С. Лаппо-Данилевский** – Общее обозрение (Summa) основных принципов обществоведения. Курс 1902–1903 гг. 96

История философии

Н.Н. Трубникова – Наследие индийской и китайской мысли в “Собрании песка и камней”	106
Мудзю Итиэн – Досточтимые молчаливники (“Собрание песка и камней”, свиток IV, рассказ 1)	118
В.М. Терлецкий – Априорность и спонтанность в критической философии И. Канта	129
М.Е. Соболева – Бытие как предикат: критическая онтология Генриха Риккерта.....	140

Из редакционной почты

К.С. Гаджиев – О детабуизации морали	147
Е.С. Соколов – Оружие и тело: (не)уязвимость как социальное отличие.....	155

Критика и библиография

В.К. Кантор – И.И. Евлампиев. Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к “Братьям Карамазовым”).....	165
Об издании серии “Философия России первой половины XX века”.....	170
Указатель содержания журнала “Вопросы философии” за 2013 год.....	183
Наши авторы.....	191

**Председатель Международного редакционного совета –
Лекторский Владислав Александрович**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Э. Агацци (Италия), **Ань Цинянь** (Китай), **А.А. Гусейнов** (Россия),
В.П. Зинченко (Россия), **А.Ф. Зотов** (Россия), **А.Н. Нысанбаев** (Казахстан),
А.П. Огурцов (Россия), **Т.И. Ойзерман** (Россия), **М.В. Попович** (Украина),
В.С. Степин (Россия), **Ю. Хабермас** (Германия), **Р. Харре** (Великобритания)

Главный редактор – Пружинин Борис Исаевич

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

П.П. Гайденок, **А.А. Гусейнов**, **В.К. Кантор**, **В.А. Лекторский**, **В.Л. Макаров**,
В.В. Мионов, **Н.В. Мотрошилова**, **И.С. Разумовский** (ответственный секретарь),
А.М. Руткевич, **Ю.Н. Солонин**, **В.С. Степин**,
Н.Н. Трубникова (заместитель главного редактора), **Т.В. Черниговская**
Сайт журнала – <http://www.vphil.ru>

Основные принципы неокантианской философии истории А. С. Лаппо-Данилевского (к 150-летию со дня рождения)¹

А. В. МАЛИНОВ

В статье рассматриваются некоторые аспекты философского учения академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919), которое нашло отражение, прежде всего, в его “Методологии истории”. Опираясь на философию позитивизма и неокантианства, Лаппо-Данилевский старался разработать теорию обществоведения. Одним из главных принципов методологии истории Лаппо-Данилевский считал принцип чужой одушевленности. Признание чужой душевной жизни выступало для Лаппо-Данилевского в качестве нравственного постулата, необходимого для познания социальной реальности.

This article discusses some aspects of the philosophical doctrine of academician Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky (1863–1919), which is reflected, above all, in his “Methodology of History.” Based on the philosophy of positivism and neokantian Lappo-Danilevsky tried to develop a theory of social science. One of the main principles of the methodology of the history of Lappo-Danilevsky considered the principle of the stranger spiritual life. Recognition of a stranger spiritual life advocated for Lappo-Danilevsky as a moral postulate necessary for understanding of social reality.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Лаппо-Данилевский, неокантианство, философия истории, методология, чужое “я”, факт, событие, нравственное чувство.

KEY WORDS: Lappo-Danilevsky, kantianism, philosophy of history, methodology, another's “I”, fact, co-existence, moral sense.

Академик Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919) вошел в историю русской мысли как один из крупнейших представителей неокантианской философии истории в России. Подобным образом его оценивали уже современники [Кареев 1920, 121; Кареев 1996, 168–169] и последующие исследователи [Хмылев 1978; Цамутали 1986; Сеницын 1990; Рамазанов 1999–2000; Малинов, Погодин 2001; Ростовцев 2004; Трапш 2006]. Вместе с С.И. Гессеном он представлял петербургскую редакцию неокантианского

---

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ (№ 13-03-00301).

© Малинов А.В., 2013 г.

журнала “Логос”. Однако Лаппо-Данилевский не был профессиональным философом, вероятно, поэтому исследователи русского неокантианства, как правило, обходят стороной его творчество. Его главные исследования посвящены русской истории XVII–XVIII вв., а также ряду специальных исторических дисциплин. Тем не менее среди русских историков Лаппо-Данилевский отличался склонностью к разработке философских проблем, далеких от конкретики историографии. В большей степени философские интересы Александра Сергеевича нашли отражение в его лекционных курсах, вершиной которых стала “Методология истории”, под которой он фактически понимал теорию исторического познания. “Методология истории” Лаппо-Данилевского – наиболее полное в отечественной научной традиции исследование проблем теории и гносеологии истории.

В течение двух десятилетий Лаппо-Данилевский преподавал в Санкт-Петербургском университете. В основном это были лекции и практические занятия по русской истории XVIII в., истории сословий, дипломатике частных актов, русской историографии. На протяжении работы в университете Александр Сергеевич вел многочисленные семинарии философского содержания, посвященные, как он сам выражался, “теории обществоведения”: практические занятия по VI книге “Системы логики” Д.С. Милля (1899–1900 и 1900–1901), систематике социальных явлений разных степеней (1901–1902), анализу простейших социальных взаимодействий (1903–1904), теории ценности и ее приложению к обществоведению (1904–1905), теории эволюции и ее применению к обществоведению и истории (1906–1907), логике общественных наук и истории (1908–1909 и 1909–1910), теории исторического знания: разбору важнейших учений о ценности (1910–1911), критическому разбору важнейших учений о развитии (1911–1912), критическому разбору главных учений о случайности (1912–1913), критическому разбору главных учений о ценности (1913–1914 и 1917–1918), критическому разбору главных учений, касающихся проблемы “чужого я” (1914–1915), методологии социальных и исторических наук (1915–1916), логике социальных и исторических наук (1918–1919).

Сам Александр Сергеевич отмечал, что свои методологические семинарии “вел в духе критической философии” [Материалы для биографического словаря 1915, 408]. Практические занятия по теории обществоведения, “многосодержательный семинарий”, по выражению А.Е. Преснякова, посещали не только историки, но и философы и юристы. Постоянными участниками этих занятий были И.М. Гревс, А.А. Кауфман, И.И. Лапшин, М.А. Полиевктов, А.Е. Пресняков. С 1906 г. по поручению историко-филологического факультета Лаппо-Данилевский стал читать трехгодичный лекционный курс по методологии истории. После смерти Лаппо-Данилевского этот курс в университете читал Н.И. Кареев [Кареев 1990, 285]. Влияние занятий Лаппо-Данилевского по философии общественных наук распространялось далеко за рамки историко-филологического факультета.

Конечно, история России оставалась главной темой специальных исторических разысканий Лаппо-Данилевского. Но даже при изучении частных проблем русской истории он старался исходить из общего представления о задачах и целях научного исторического исследования. “Его научный интерес, – писал А.Е. Пресняков, – был сосредоточен, можно сказать, не на русской истории ради нее самой, как у большинства представителей этой специальности, а на исторической науке в целом, в ее принципиальных, теоретических основах и методах. Русский материал – как в смысле источников, так и в смысле изучаемых явлений – представляется лишь существенным, но внешним условием его ученой работы, объектом экспериментального применения, проверки и конкретизации общих представлений о методологических и феноменологических задачах исторической науки” [Пресняков 1920, 98]. Для Лаппо-Данилевского было важно широкое и общее понимание самой истории, даже не исторического процесса, а самого исторического предмета, который составляют явления духовные, хозяйственные и правовые, взаимодействующие в пределах разнородных социальных групп (народов), а также то отношение, в каком народы состоят друг к другу [Лаппо-Данилевский 1890, 284].

Задача исследования национальной (конкретно, русской) истории для Лаппо-Данилевского была следствием такого понимания предмета истории, результатом его дальнейшей конкретизации. Для философского отношения к истории особенно важен подход к

частным историческим проблемам со стороны обобщающего взгляда на саму историю, обоснованного мировоззренчески и гносеологически. В утверждении такого подхода и проявилась прежде всего философская направленность работы Лаппо-Данилевского. “Он, напротив, – констатировал А.Е. Пресняков, – сознательно и упорно работает над сочетанием в себе философа и историка, и это наложило особый отпечаток на всю его научную деятельность... Его мысль шла всегда от общего к частному, от общих задач мировоззрения и теоретических предпосылок к конкретным задачам научного исследования” [Пресняков 1922, 49].

Основное философское произведение Лаппо-Данилевского – “Методология истории”. Над темами, затронутыми в этом труде, ученый работал около двадцати лет. Многие сюжеты, вошедшие в “Методологию истории”, предварительно рассматривались на практических занятиях, посвященных теоретическим вопросам социальных и исторических наук, которые Лаппо-Данилевский вел в университете с 1899 г. Систематическое изложение они получили в общем курсе по методологии истории, к чтению которого ученый приступил в 1906 г. Этот курс постоянно перерабатывался и обновлялся Лаппо-Данилевским. Первый раз он был издан литографским способом в 1909 г. Наиболее полное и завершенное издание вышло двумя выпусками в 1910 и 1913 гг. Незадолго до смерти Лаппо-Данилевский вновь приступил к переделке своего исследования, которое в 1918 г. начал публиковать частями в “Известиях Российской академии наук” (серия VI, том XII, № 5–7, 9, 11, 13). В 1923 г. в Петрограде стараниями учеников и друзей был издан первый выпуск новой редакции “Методологии истории”.

В оценке творчества Лаппо-Данилевского “Методология истории” служит основным аргументом для неокантианской атрибуции его взглядов. Эволюция его философско-исторических взглядов проделала путь от увлечения позитивизмом до построения основ исторической науки в духе неокантианства. Вот что об этом писал А.Е. Пресняков: “Его философское развитие шло иным путем – от догматизма к критицизму, а причиной такого направления была основная потребность – сочетать научную обоснованность системы понятий об изучаемой действительности с широтой и глубиной удовлетворения нравственных запросов в цельном и стройном мировоззрении” [Пресняков 1922, 53]. В дальнейшем эта точка зрения неоднократно воспроизводилась другими исследователями. Однако, как правило, упускался из виду другой аспект, отмеченный А.Е. Пресняковым, согласно которому движение мысли Лаппо-Данилевского было проникнуто стремлением к созданию целостной, по возможности непротиворечивой философской системы, обосновывающей научный статус гуманитарного знания, и прежде всего истории. Лаппо-Данилевский не был всего лишь эрудированным компилятором, следовавшим в своем творчестве смене философской моды. Его наследие достаточно цельно и целостно, хотя и не лишено противоречий. Хорошее знание современной ему исторической и философской литературы, академическая требовательность к обоснованию выдвигаемых положений, научно понимаемая отстраненность утверждений, профессионализм в подборе фактического материала создают иллюзию компилятивного сочинения, нанизывающего одна на другую разные точки зрения. Лаппо-Данилевский, действительно, не стремился к оригинальности. Он пытался разработать научно обоснованную систему исторического знания так, как он понимал научность, и в согласии с тем, как научность понималась в его время.

Позитивизм и неокантианство на рубеже XIX–XX вв. представляли собой два основных варианта научной философии и две основных версии философского обоснования науки. И то и другое направление претендовало на то, чтобы быть философией науки. Для Лаппо-Данилевского была важна, по преимуществу, общая цель и задача этих направлений, а не конкретные методологические аспекты философских школ. В своем учении он следовал общему духу научной философии. В этом смысле и его ранние работы (которые обычно и относят к позитивизму) и “зрелые” (так называемые неокантианские) произведения подчинены одной задаче – построению научной системы гуманитарного знания. В этом и состоит цельность и последовательность его научного творчества. Наиболее чуткие и внимательные современники отмечали эту особенность: “Работа его, разрастаясь и систематизируясь, направлялась к созданию всеобъемлющей системы *теоретического*

обществоведения” [Гревс 1920, 67]; “все разносторонние труды его были объединены одной идеей – идеей научной истины как объединенного знания” [Пресняков 1922, 90].

Непосредственно разбору позитивной философии и ее критической оценке посвящена монография Лаппо-Данилевского “Основные принципы социологической доктрины О. Конта”, помещенная в сборнике “Проблемы идеализма” (1902). В “Методологии истории” уже более заметна рецепция баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд и Г. Риккерт). Однако следует учитывать характер этого влияния. Основная часть специальной терминологии “Методологии истории” имеет неокантианское происхождение. Примером может служить понятие “исторической связи”, используемое Г. Риккертом в его “Философии истории”. Неокантианский привкус работы Лаппо-Данилевского заметен при первом же знакомстве. Показательно в этом отношении начало посмертного издания “Методологии истории”, провозглашающее кантовское понимание научного знания и обильно подкрепленное ссылками на сочинения самого И. Канта [Лаппо-Данилевский 1923, 3]. Совсем, казалось бы, по-кантовски звучит следующее утверждение из первого, литографированного варианта “Методологии истории”: “Всякий исторический факт с теоретико-познавательной точки зрения есть только наше представление о нем” [Лаппо-Данилевский 1909, 78]. Хотя для того, чтобы прийти к такому заключению, не обязательно быть кантианцем. Многочисленные ссылки на немецких философов выглядят скорее данью школьной традиции, вариантом академического занудства, чем единственно возможным каноном исторического построения. Терминология баденских философов в большей степени используется Лаппо-Данилевским как вариант современного ему научного языка, а не только как отсылка к концепциям немецких ученых. В “Методологии истории” Лаппо-Данилевский прежде всего стремился быть на уровне современной ему науки.

Каким образом, задавался вопросом Лаппо-Данилевский, наше представление соотносено с реальностью? Ведь историческая реальность конструируется, а историческое познание и есть способ построения, воссоздания исторической реальности. Действительность, с которой соотносится историческое исследование покрывается понятием *исторического факта*. Следует различать как “реальную” сторону исторического факта, так и те способы, какими исторический факт дан и благодаря которым он входит в систему исторического знания. “Действительная” и “познавательная” стороны исторического факта во многом определяются теми отношениями, в которых это понятие состоит с понятиями индивида (индивидуальности) и ценности. Так, исторический факт представляет собой воздействие, какое индивидуальность, как часть целого, оказывает на это целое и результат такого воздействия [Лаппо-Данилевский 1913, 335]. Иными словами, “под фактом он (историк. – А.М.) преимущественно понимает воздействие индивидуальности на окружающую среду, мертвую и, в особенности, живую” [Лаппо-Данилевский 1913, 322]. Это не механическое, а психическое (посредством воли [Лаппо-Данилевский 1913, 323]) воздействие, т. е. “историк изучает те факты, которые состоят в психофизическом воздействии индивидуальности на среду” [Лаппо-Данилевский 1913, 322]. Точнее говоря, это воздействие сознания на общественную среду [Лаппо-Данилевский 1913, 322]. При этом наибольшее историческое значение имеет не столько само воздействие индивидуальности на среду, сколько последствия и результаты такого воздействия [Лаппо-Данилевский 1913, 325]. “Исторический факт также имеет тем большее историческое значение, чем сфера его действия больше”, – заключал Лаппо-Данилевский [Лаппо-Данилевский 1910, 252].

Центральным понятием конструируемой исторической действительности является не “исторический факт”, а “событие”, в котором уже заключено представление о причинно-следственной связи. *Событие* – сложное понятие, обозначающее встречу нескольких индивидуальностей или их действий [Лаппо-Данилевский 1910, 274]. Точнее, это встреча двух или большего числа причинно-следственных рядов, т. е. “относительный случай” [Лаппо-Данилевский 1910, 260]. В событии соединяются два вида действительности – исходная, данная и строяемая, заданная: «...под “событием” можно, следовательно, разуметь, индивидуальное понятие, объединяющее множество представлений о разнородных фактах, образующих конкретное сцепление, в состав которого входит встреча последнего рода, причем совокупность их действительно дана и действительно влияет (или влияла)

на ход развития человечества; поскольку такая совокупность представляется нашему разуму данной и, значит, относительно случайной, она и называется событием в узком смысле слова» [Лаппо-Данилевский 1910, 274]. Таким образом, в событии осуществляется постижение реальности при помощи ее построения. Встречающиеся причинно-следственные серии исторических фактов способствуют образованию событий и, тем самым, приводят к синтетическому построению исторической действительности. Конструирование истории воссоздает историческое бытие, возвращает нас к онтологии истории, хотя Лаппо-Данилевский и не пользуется этим выражением. Онтология истории, раскрывающаяся как историческая событийность, позволяет истории состояться в качестве науки, которая, в свою очередь, оперирует уже не доступными ей историческими фактами, а создаваемыми, конструируемыми наукой историческими событиями, познаваемыми именно потому, что они созданы этой наукой. Исторические события, в свою очередь, также индивидуальны. Элементом строяемой подобным образом действительности, в частности, могут быть исторические личности.

Деятельность исторической личности можно понимать как разновидность взаимодействия индивида со средой, различая как влияние индивида на среду, так и воздействие среды на индивида. Лаппо-Данилевский склонен видеть в этом различии признаки, с одной стороны, идиографического, а с другой – номотетического построений [Лаппо-Данилевский 1910, 230]. Воздействуя на среду, индивид, в свою очередь, может руководствоваться идеями и ассоциациями, выдвигаемыми им самим, но может использовать и те идеи, которые предлагают либо социальная среда, либо другие индивиды. В этом состоит отличие гениев от талантов, действующих в истории. Таким талантом Лаппо-Данилевский, в частности, признавал Екатерину II [Лаппо-Данилевский 1898, 1].

Одним из главных принципов познания истории, полагал Лаппо-Данилевский, является *принцип чужой одушевленности*, непосредственно связанный с понятием об изменении. Историк в данном случае обращает внимание на качественное, а не на количественное изменение [Лаппо-Данилевский 1913, 301]. Это изменение в чужой психике. Интерес Лаппо-Данилевского к проблематике чужой душевной жизни отчасти, вероятно, был спровоцирован полемикой вокруг работы А.И. Введенского “О пределах и признаках одушевления: Новый психофизический закон в связи с вопросом о возможности метафизики” (1892) [Малинов 2006, 73–128], в которой приняли участие как петербургские (Э.Л. Радлов, И.И. Лапшин, С.А. Алексеев-Аскольдов, Н.О. Лосский) [Румянцева 2001, 161–175; Румянцева 2007, 35–54], так и московские (С.Н. Трубецкой, Н.Я. Грот, Л.М. Лопатин, П.Е. Астафьев) философы. В основе принципа чужой одушевленности лежит представление о единообразии природы вообще и, в частности, психической природы человека [Лаппо-Данилевский 1913, 314]. “Чужое я” не дано непосредственно в опыте, поэтому мы заключаем о нем по наблюдениям над телесными процессами [Лаппо-Данилевский 1913, 314]. К конкретному “я” (а далее, и к исторической индивидуальности) затруднительно прийти от понятия о сознании вообще и от представления о соотношении “я” и “не-я”, где самосознание понимается как сознание другого [Лаппо-Данилевский 1913, 305–306]. Впрочем, Лаппо-Данилевский не различал четко “психическое” и “трансцендентальное” и часто использовал их в одном смысле. Принцип чужой одушевленности и признание “чужого я” оказывают влияние и на концепцию истины, и на становление и развитие самосознания [Лаппо-Данилевский 1913, 312].

Для установления принципа чужой одушевленности необходим не категорический или конститутивный, а регулятивно-телеологический подход [Лаппо-Данилевский 1913, 306]. Иными словами, этот принцип следует рассматривать либо как научную гипотезу, либо как нравственный постулат [Лаппо-Данилевский 1913, 307], который уже непосредственно отсылал к учению А.И. Введенского о “нравственном чувстве”.

Значение априорного элемента этического характера для построения теории исторического знания Лаппо-Данилевского отмечал еще А.Е. Пресняков [Пресняков 1920^a, 90; Пресняков 1922, 62]. Этическая интенция не была четко сформулирована в “Методологии истории” Лаппо-Данилевским, он не посвятил этой проблеме специального раздела, но этическая настроенность многих его рассуждений об истории встречается неоднократно.

В поддержку этого тезиса можно привести следующее высказывание Лаппо-Данилевского: “С такой точки зрения (имеется в виду идеографическое построение. – *А.М.*) этика находит существенную поддержку в истории... она (история. – *А.М.*) должна определять должное в отношении его к человеку, как индивидуальности в ее социально-историческом значении” [Лаппо-Данилевский 1910, 233]; “желательно, конечно, пользоваться историческим материалом для этических целей...” [Лаппо-Данилевский 1890^а, 100].

В принципе, конститутивное применение психологии для объяснения исторических фактов также возможно, но оно не дает основание утверждать о действительном существовании этих психических факторов в истории и их результатах. “Приложение психологии к истории в конститутивном смысле, – писал Лаппо-Данилевский, – напротив, предполагает особого рода предпосылку: в таком случае психические факторы признаются реально данными в действительности” [Лаппо-Данилевский 1910, 110]. Однако ни регулятивное, ни конститутивное применение психологии к истории не дают возможность сформулировать законы истории. Дело не только в неприложимости психологии к номотетическому построению истории, но в том, что законы истории более сложны, чем законы психологии [Лаппо-Данилевский 1910, 111]. В широком смысле телеологический принцип может использоваться в истории со стороны ее познания. Это означает, что историк обладает знанием о том, что произошло, и, исходя из знания о результатах исторического процесса, интерпретирует этот процесс. В ходе самой “истории” телеологическую функцию могут выполнять ценности, которые действующие в истории индивидуальности ставят себе и на достижение и осуществление которых направляют свои усилия.

Еще один вариант признания чужой одушевленности можно назвать “психогенетическим”. Он проявляется в сочувственном переживании “чужого я”: “...всякое понимание чужой душевной жизни предполагает личное переживание и воспроизведение ее” [Лаппо-Данилевский 1913, 435]. Но, как замечал Лаппо-Данилевский, этот подход до сих пор является мало выясненным [Лаппо-Данилевский 1913, 309]. Лаппо-Данилевский пытался дополнить его понятием “конгениальности” или “созвучия” между однородно организованными существами [Лаппо-Данилевский 1913, 309], в основе которого лежит двойная ассоциация состояний сознания, представляющая собой проявление однородных психических процессов [Лаппо-Данилевский 1913, 310]. Иногда этот процесс интерпретируется как заключение по аналогии [Лаппо-Данилевский 1913, 311].

В качестве итога этих рассуждений можно привести следующую цитату: “Итак, можно сказать, что историк изучает историческую эволюцию с психологической, а не с чисто биологической точки зрения: он всегда предпосылает действительное существование одушевления той социальной группы, развитие которой он построяет...” [Лаппо-Данилевский 1910, 133].

Одной из первых попыток разработки философских вопросов обществоведения для Лаппо-Данилевского стал небольшой набросок “Общее обозрение (Summa) основных принципов обществоведения”, публикуемый ниже. В черновом автографе, хранящемся в фонде А.С. Лаппо-Данилевского в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 329. 29 л.), он обозначен как “Курс 1902–1903 гг.”. Многие положения из этого наброска нашли более подробное обоснование в “Методологии истории”. Текст “Общего обозрения” представляет собой тезисное изложение и не является в строгом смысле “устойчивым текстом”. При подготовке публикации подчеркивания были заменены на курсив, сохранена подробная рубрикация и нумерация положений.

ЛИТЕРАТУРА

Гревс 1920 – *Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. № 6.

Кареев 1920 – *Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского // Русский исторический журнал. 1920. № 6.

Кареев 1990 – *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990.

- Кареев 1996 – *Кареев Н.И.* Основы русской социологии. СПб., 1996.
- Лаппо-Данилевский 1890 – *Лаппо-Данилевский А.С.* Речь на магистерском диспуте 9 мая 1890 г. // Историческое обозрение. Т. I. СПб., 1890.
- Лаппо-Данилевский 1890^a – *Лаппо-Данилевский А.С.* Материалы для общеобразовательного курса по истории человечества // Памятная книжка Тенишевского училища. Т. I. СПб., 1890.
- Лаппо-Данилевский 1898 – *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898.
- Лаппо-Данилевский 1909 – *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории (литография). СПб., 1909.
- Лаппо-Данилевский 1910 – *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск I. СПб., 1910.
- Лаппо-Данилевский 1913 – *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск II. СПб., 1913.
- Лаппо-Данилевский 1923 – *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск первый. Пг., 1923.
- Малинов, Погодин 2001 – *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001.
- Малинов 2006 – *Малинов А.В.* “Психофизический закон” А.И. Введенского и его критики // Александр Иванович Введенский и его философская эпоха. СПб., 2006.
- Материалы для биографического словаря 1915 – Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Часть I. А–Л. Пг., 1915.
- Пресняков 1920 – *Пресняков А.Е.* Труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской истории // Русский исторический журнал. 1920. № 6.
- Пресняков 1920^a – *Пресняков А.Е.* А.С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Русский исторический журнал 1920. № 6.
- Пресняков 1922 – *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. СПб., 1922.
- Рамазанов 1999–2000 – *Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии начала XX в.: в 2 ч. Волгоград, 1999–2000.
- Ростовцев 2004 – *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004.
- Румянцева 2001 – *Румянцева М.Ф.* “Чужое я” в историческом познании: И.И. Лапшин и А.С. Лаппо-Данилевский // История и историки. 2001. № 1.
- Румянцева 2007 – *Румянцева М.Ф.* Концепт “признание чужой одушевленности” в русской версии неокантианства // Cogito: альманах истории идей. Ростов-на-Дону, 2007. Вып. 2.
- Синицын 1990 – *Синицын О.В.* Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века: Неокантианское течение. Казань, 1990.
- Трапш 2006 – *Трапш Н.А.* Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции. Ростов-на-Дону, 2006.
- Хмылев 1978 – *Хмылев Л.Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. Томск, 1978.
- Цамутали 1986 – *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986.

Общее обозрение (Summa) основных принципов обществоведения. Курс 1902–1903 гг.

А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

Summa

При изучении основных принципов обществоведения я прежде всего остановлюсь на выяснении

I. тех принципов, которыми я руководствуюсь, когда утверждаю *объективное существование* данных моего опыта, поскольку я называю его *социальным*, т.е. поскольку данные моего чувственного восприятия представляются мне в виде социальных фактов, явлений и т.п.

Главнейшие из моих допущений следу[ющие]: а) *Допущение объективного существования данных социального опыта, как объекта социального восприятия вообще.*

1) я допускаю действительное существование *состояний собственного моего сознания* и критерий достоверности моего познания в соответствии моего мышления с его законами, которыми обусловлены согласованность и однородность моего знания.

2) я допускаю действительное существование объективного мира вне и *независимо* от моего сознания (хотя бы он воспринимался *только* через его посредство), по крайней мере постольку, поскольку внешний мир *может* служить объектом моего чувственного восприятия, т.е. опыта.

3) я допускаю, что между мною как *субъектом*, испытывающим восприятие и внешним миром, как миром объектов, реально существующих, есть *соответствие*, принимаемое мною *на веру* и не поддающееся проверке.

В самом деле, если я и могу доказать *эквивалентность* между объективно данным процессом и чувственным моим восприятием, то не могу *доказать* существования ее между ним и состоянием моего сознания (построения).

4) я наконец допускаю *устойчивость* соответствия между моими представлениями и данными чувственного опыта (единообразие) – псих[о]-физ[ический] параллелизм.

На основании вышеприведенных допущений я прихожу к след[ующему] выводу:

я допускаю, что мое представление о данном объекте, *называемом* мною “животное”, в частности “человек” находится в устойчивом соответствии с действительно существую-

щим объектом, обозначаемым таким словом, если только такое допущение не противоречит моему опыту.

Для того, чтобы *признать* данный существующий вне меня объект – субъектом, я пользуюсь новым принципом – признанием чужого одушевления.

Отсюда:

Допущение объективного существования чужого одушевления.

5) Я допускаю не только существование собственного моего одушевления, но и чужого:

А) с *гносеологической* т[очки] зр[ения] и такого же *объективного существования чужих одушевлений* в объектах, подобных мне и потому *мыслимых* мною в качестве *субъектов*; объективное сходство между моим одушевлением и чужим.

а) *допущение чужого одушевления.*

Принцип одушевления пожалуй имеет *конститутивное* значение, поскольку он предполагается в утверждении об общезначимости категорий, как *объективно* данных. Хотя допущение о сущ[ествовании] чужого одушевления, как видно, может быть критически обосновано, но оно не может быть доказано, ибо на основании объективных признаков, в силу заключения по аналогии, такое допущение – *только вероятно*.

Во всяком случае я постоянно пользуюсь принципом признания чужого одушевления в качестве *регулятивного* принципа, напр[имер] при объяснении целесообразности чужих действий и т.п.; вообще есть основание предполагать, что с помощью такого принципа данные моего социального опыта объясняются лучше, чем без его применения, путем одних только механических процессов.

б) *признание сходства между моим и чужим одушевлением* (ср. принцип 4-й; из него выводится б).

Лишь по признании действительного существования чужого одушевления можно говорить о том, что я признаю чужое одушевление *сходным* с моим собственным.

В таких случаях я рассуждаю по *анalogии*, которая дает возможность прийти лишь к *вероятным* заключениям.

Лишь по признании чужого одушевления сходным с моим собственным я могу *подстанавливать* мое одушевление под чужие действия. (О способах такой подстановки и специальных видах подстановки я здесь не говорю.)

Утверждение сходства моего одушевления с чужими нуждается однако в *дополнительном принципе единообразия человеческой природы*.

В) С *психогенетической* т[очки] з[рения] проявление или укрепление признания чужого одушевления достигается благодаря:

Передаче жизни (а не создание ее вновь в каждом организме).

Самонаблюдению.

Симпатии.

Подражанию.

Развитию индивидуальности (в зависимости от окружающих).

Практической потребности (при обращении с другими).

Сознанию нравственного долга.

Вывод главнейший (из принципа одушевления).

1) благодаря признанию чужого одушевления:

а) я признаю в *каждом* из *объектов*, называемых животными (в частности – людьми) *субъекта, сходного* со мною и, след[овательно], постоянно пользуюсь принципом признания чужого одушевления.

Для того, однако, чтобы говорить о социальном отношении между А и В нужно, чтобы *каждый* из них взаимно признавал чужое одушевление, а между тем без такого взаимного признания и *отношение* (психическое) между ними не может представляться ими как объективно-существующее, значит не может быть у них и *общей цели их действий*.

Отсюда возникает *новый принцип* – *пр[инцип] единообразия человеческой природы*. Последний, как видно, находится в связи с признанием А сходства своего одушевления с

одушевлением В (в смысле *общей предпосылки*) и с допущением, что и В мыслит так же по отношению к А.

Изучая его содержание мы вступаем в новую область исследований, которую можно определить таким образом:

II. Каков же принцип, которым я руководствуюсь при определении *общего*, но *реально* содержания данных моего социального опыта, т.е. общих реальных свойств его содержания, поскольку я называю его *социальным* опытом.

Сюда относятся следующие принципы:

- 1) принцип единообразия психической природы человека,
- 2) принципы человеческой деятельности (социальная эгология и телеология),
- 3) принцип соц[иального] взаимодействия¹,
- 4) принцип соц[иальной] среды,
- 5) принцип индивидуальности в его отношении к соц[иальной] среде.

Принцип единообразия психической природы человека

Физическое единообразие чел[овеческой] природы до сих пор еще остается мало обоснованным, поскольку речь идет о мозге, особенно человеческом; но мы предпосылаем не только единообразие физической, но и единообразие *психической* природы человека, как *типического* (а не единственного) представителя психической жизни.

Субъективное значение принципа:

- 1) поскольку я говорю о *единообразии* (как и необходимости) законов природы вообще и психической, в частности,
- 2) поскольку я такое понятие применяю к *умственным* свойствам человеческой природы.

Объективное значение – принцип единообр[азия] чел[овеческой] пр[ироды] получает, когда мы понимаем его как *постоянство объективных наследственно передаваемых* общих признаков данного вида особей, в частности, психических признаков животных – человека.

Последнее я понимаю,

- a) как единообразие сосуществующих особей,
- b) как единообразие преемственно следующих особей.

Полное единообразие я допускаю в формальных признаках,

aa) в единообразии познания

bb) в единообразии взаимно признанных чужих одушевлений.

cc) из единообразия признания каждым из нас не только существования чужого одушевления, но и сходства своего одушевления с чужими уже отчасти вытекает признание (допущение) единообразия в самом одушевлении, получающее опору в опытном знании.

Единообразие психич[еской] жизни всех живых существ должно отличать от единообразий псих[ической] природы *человека*.

Общие ее свойства гл[авным] об[разом]: анализ и синтез конкретных масс психич[еских] элементов, ассоциации по сходству, речь членораздельная (в смысле символов и орудий отвлеченного мышления), интеллектуализированные чувства, общие цели, нравственные цели.

Согласованность и непрерывность сознания, способствующая образованию *самосознания*, опирающемуся м[ожет] б[ыть] и на *внутреннее чувство* однородной психической работы познающего субъекта, обращенной им на себя, как на относительно постоянный объект.

Основные выводы из принципа полного и *общего* единообразия:

---

¹ На полях карандашом напротив второго пункта стоит знак вопроса. Второй и третий пункты объединены скобкой с пометкой «не слить ли 2 и 3».

а) оно общее *условие* всякого соц[иального] отношения; последующее возникает под условием, в силу которого каждый из индивидов такого отношения мыслит объект своего действия в качестве субъекта. Сознание рода Гиддингса².

б) Подстановка одушевлений А под действия В возможна только при допущении принципа единообразия.

Понятие о *частных единообразиях*:

1) по органическим и психическим факторам, порождающим данное частное единообразие (единообразие в темпераменте и характере, в половых отличиях, в особях одной расы, национальности и т.п.),

2) по степеням развития человека или человечества (лица, принадлежащие к одной и той же степени – сходны):

1) сходство обезьян и детей,

2) дикарей разных рас,

3) цивилизованных детей и дикарей.

Общие выводы

1) Индивиды, связанные частными единообразиями, лучше понимают друг друга,

2) большее разнообразие соц[иального] общения (при разнообразии частных видов),

3) борьба за существование.

Принцип признания чужого одушевления дает возможность объективировать чужое одушевление, т.е. придавать *объективное значение субъекту*.

Принцип единообразия психической природы человека содержит основное *условие возможности какого-либо реального отношения* между данными субъектами.

Признание реального существования членов отношения и наличности условия, нужного для его осуществления, однако, не достаточно для того чтобы *самое отношение* также представить себе, как нечто реальное.

Такое представление возникает благодаря *принципу взаимодействия*.

Ясно, что без *взаимного признания чужого одушевления* и без некоторого *единообразия* между субъектами, вступающими в известное отношение друг к другу, не может быть и взаимодействия между ними.

А) *Гносеологическое значение принципа взаимодействия*.

Для построения понятия взаимодействия я, очевидно, нуждаюсь в принципах причинности и целесообразности.

Я полагаю, что *принцип каузальности* лежит в основе принципа взаимодействия (а не наоборот), ибо

1) для понятия *действия* я уже нуждаюсь в понятии причинной связи,

2) принцип W-ия³ становится исходным лишь с телеологической точки зрения.

Ту же аргументацию можно ввести в построение понятия социального взаимодействия:

1) в понятии *причинных или мотивированных* действий субъектов, вступивших во взаимодействие, я уже пользуюсь принципом каузальности; кроме того, без принципа каузальности я не могу построить понятия о W (A, B), поскольку я рассматриваю действие A как *причину* реакции B; и обратно в W (B, A).

2) в понятии о *ближайшей цели* данного реального отношения между A и B, каковою является само взаимодействие их, я пользуюсь принципом целесообразности; отношение между A и B, поскольку оно служит *единым и общим объектом* их познания и желания, служит ближайшею и общею им *целью* их действий.

Итак, для того, чтобы мыслить социальное отношение действительно существующим или наступившим я должен признать *причинно-следственное и целесообразное отно-*

---

² Гиддингс Франклин Генри (1855–1931) – американский социолог, представитель психологического направления в социологии. Основатель первой в США кафедры социологии в Колумбийском университете (1894), президент Американского социологического общества (1908).

³ W-ия (W) – сокращение А.С. Лаппо-Данилевского, означающее взаимодействие.

шение между А и В, т.е. признать взаимодействие между ними; последнее становится с гносеологически-социологической т[очки] зр[ения] *принципом объективирования всякого мыслимого мною социального отношения.*

Я не могу представить себе отношение между двумя субъектами *существующими (объективно)* иначе, как в форме взаимодействия.

В) *Реальное значение принципа взаимодействия* (его содержание).

Основные моменты взаимодействия следующие:

1) Условия W:

а) Общая среда – мертвая и живая, в частности, социальная.

б) Специальная среда, возникающая благодаря наличности возможности более частных единообразий и сходств в настроении и т.п. А и В именно нужных для того, чтобы между ними наступило взаимодействие.

2) *Контрагенты W*, т.е. субъекты *способные действовать* по отношению друг к другу, постольку поскольку каждый из них *фиксирует* состояние сознания, нужное для того, чтобы между ними наступило данное взаимодействие и каждый из них признает *объект своего действия* субъектом.

3) *Факторы W.*

А) *Первоначальные* факторы W-ия – внутренние состояния сознания,

В) *Конечные* – действия, входящие в состав данного W-ия.

1) *Общие* факторы – потребность в объективировании своего я.

– [потребность] в [совершенствовании – зачеркнуто] эволюции.

2) *Частные* факторы W-ия.

а) Инстинкты и чувства:

Инстинкт самосохранения и вызываемые им, связанные с ним эмоции.

Ин[стинкт] полового общения и вызываемые им, связанные с ним эмоции.

Симпатия; в частности, синестезия.

Индивидуально-социальные чувства (в широком смысле – м[ежду] пр[очим] в смысле факторов индивидуализма в этическом его смысле).

Социальные чувства: альтруистичности и нравственности.

б) Воля – как фактор данного действия.

с) разум, как фактор преимущественно определяющий цели взаимодействия.

А) *Действия, входящие в состав данного взаимодействия.*

Каждое действие есть $f(\varphi, \varphi)$, в которой внутреннее состояние сознания *определяется, выражается* и получает известную *ориентировку.*

Внутренние действия, однако не достаточны для наступления W (А, В), т[ак] к[ак] не воспринимаются контрагентами при обычных условиях.

Итак, факторами W-ия оказываются *внешние* действия, т.е. такие внешние (физиологические) сопровождения внутренних состояний сознания, которые доступны стороннему и объективному восприятию.

Из числа внешних действий следует отметить *социализирующие* и [со]циальные, т.е. обращенные или на объект, имеющий реальное отношение к какому-либо субъекту (хотя бы на часть его тела, как на объект) или обращенные на субъект.

Наконец, социальное действие м[ожет] б[ыть] *прямым* или *косвенным*, т.е. воспринимаемым данным субъектом через какое-либо посредничество (напр[имер], письмо, книга и т.п.). Понятие об определенном действии достигается путем абстракции, в действительности мы наблюдаем не действия, а *ряды действий или деятельности.*

В) *Сторонние друг другу действия* (т.е. совершаемые разными субъектами) *в их реальном взаимодействии.*

аа) *Два сторонних действия.*

1) действие А на В, вызывающее реакцию В; или обратно – порождающее *одностороннее взаимодействие*, самым распространенным типом которого должно признать *подражание.*

Понятие о *взаимном* подражании вводит нас в понятие об одностороннем взаимодействии.

2) действие А на В, вызывающее действие В на А и обратно, причем действия А и В *взаимодополняют* друг друга или соответствуют друг другу, в частности, эквивалентны друг другу.

Такое взаимодействие я называю обоюдосторонним; важнейшими видами его можно признать:

конфронтацию, сказывающуюся в *играх* или *действ[ительной] жизни*
обмен услуг и т.п., сказывающийся в *играх* или *действ[ительной] жизни*
приказание и повиновение, сказывающееся в *играх* или *действ[ительной] жизни*.
bb) *Две стороны деятельности в их реальном взаимоотношении.*

Можно всегда *представить* себе в виде *чередования* действий контрагентов и т[аким] о[бразом] разложить на ряд простейших взаимодействий, причем каждое из них можно рассматривать как состоящее из двух сторонних действий.

Такое чередование я называю *социальным общением*.

Следует заметить, что социальные взаимодействия (как односторонние, так и обоюдосторонние) могут быть или *фактическими* или *нормированными*.

4) *Цель взаимодействия.*

Должно различать *объект* взаимодействия, т.е. мат[ериальную] точку или систему материальных точек, к которым сообща прилагаются действия контрагентов, от цели W; цель проявляется в выборе объекта.

Нельзя построить понятие о реальном отношении между А и В без понятия об общей им цели; *ближайшего из таких целей* и является само *взаимодействие*.

Последнее становится *средством* для достижения дальнейших целей, которые могут быть:

1) или отличными (разными) друг от друга.

2) или совпадать.

3) или сливаются в одну дальнейшую или конечную цель, общую всем контрагентам взаимодействия. Такую цель и можно назвать преимущественной целью взаимодействия.

Следует иметь в виду, что конечная цель *взаимодействия* не есть конечная цель каждого из контрагентов.

Главнейшие приложения принципа взаимодействия (выводы из него).

Приложение принципа W к построению некоторых данных моего опыта.

1. К построению понятия о W (A, S), где $S = \Sigma (B, C, D \dots N)$.

2. К построению понятия о *социальном явлении*, как переменной в данном реальном соотношении данных контрагентов, т.е. *смене одного соц[иального] взаимодействия друг-им*.

3. К построению таких соц[иальных] отношений, возможность которых обусловлена наличием целостной *системы* взаимодействий, т.е. $\Sigma (B, C, D \dots N) =$ среда соц[иальная].

4. К построению таких соц[иальных] отношений; возможность которых обусловлена наличием известного *ряда* взаимодействий (нарастание и убывание посредников).

5. К построению понятия об *общественном союзе* как системе разнородных взаимодействий в конкретном их агломерате.

6. К систематике соц[иальных] явлений разных порядков степеней.

7. К построению теории *согласованности* соц[иальных] явлений разных видов (W W – разных порядков и степеней).

Принцип социальной среды.

А) *Гносеологическое значение.*

Принцип соц[иального] взаимодействия тесно связан с принципом соц[иальной] среды, поскольку отношение *среды, как данной системы соц[иальных] взаимодействий*, к индивиду представляется мне как W (S, J) или как W (J_a, J_y) под условием W [S, W(J_a, J_y)].

Отсюда возможность двух типов:

1) W (S, J)

2) $W [S, W(J_x, J_y)]$.

В обоих типических случаях S играет роль социальной среды.

Определение ее можно вывести из общего определения среды путем ряда *подстановок*.

Под средою вообще я разумею: *совокупность внешних по отношению к данному объекту или процессу условий* его существования.

Заменим термин “объект” понятием “*органическое тело*”; тогда самое понятие среды, как *совокупности* условий его существования надо рассматривать в *отношении* ее к *данной степени* развития такого тела.

Заменим снова термин “органическое тело” понятием “*субъект*”, так как его развитие, как мы видим, предполагает *наличность других, окружающих его субъектов же, действующих на него*, то и определение *соц[иальной] среды, как совокупности данной системы взаимодействий чужих одушевлений* будет *принципиально* отлично от понятия о среде органической, так как оно основано на предварительном признании: принципов чужого одушевления, единообразия психической природы человека и социального взаимодействия.

В) *Реальное значение.*

Хотя логически принцип W *предшествует* принципу соц[иальной] среды, ибо нельзя представить себе ее образование без соц[иального] W -ия, но фактически можно рассматривать их последовательность и в обратном порядке без *большой ошибки*, так как

1) с *трансформистской* т[очки] з[рения] всегда можно подыскать вид, из которого образовалась данная разновидность, причем такой *вид* можно рассматривать как *среду по отношению к его разновидности*.

2) с *исторической* т[очки] з[рения] за исключением разве самых первоначальных ступеней развития почти все соц[иальные] отношения уже обусловлены наличием известной соц[иальной] среды (хотя бы очень еще слабой, не организованной).

Разные значения соц[иальной] среды.

1. *Уравнительное влияние ее на индивидов.*

2. *Разрознивающее влияние ее на индивидов (индивидуализирующее значение среды)*

1. *Уравнительное значение.*

С точки зрения принципов единообразия и соц[иального] взаимодействия соц[иальная] среда представляется нам:

Как *однородное целое*, согласованность которого *сознается* членами данной соц[иальной] группы и оказывает *общее давление* на нее.

Под таким давлением и возникает (за исключением разве первоначальных случаев) всякое социальное отношение.

Если даны $W (S, J_x)$ и $W (S, J_y)$, то достаточно быть и $W [S, W (J_x, J_y)]$ или лучше $SW (J_x, J_y)$? (приписка на полях. – *А.М.*)

Такое обобщение в особенности относится к человеческим отношениям.

Даже *простейшие действия* (напр[имер], восклицание) уже обыкновенно обнаруживает такое *давление*, значит и *взаимодействие*.

Разновидности уравнительной среды.

а) *Среда традиционная*, т.е. тот культурный фонд, который благодаря *некоторой непрерывности коллективного сознания*, общего по кр[айней] мере двум смежным поколениям, передается от одного к другому.

Объектом общего сознания (познания, желания, долга) служит или *совокупность функций* данного агрегата (настроений, потребностей, идей, слов, нравов, правил и т.п.) или *объективированная консолидация их результатов* (орудия, картины, книги, памятники, общественные здания = учреждения и т.п.).

При выяснении конкретного содержания данной традиционной среды следует различать:

факторы ее: инерция

привязанность к прошлому и т.п.

средство ее передачи: наследственность предрасположений
подражание и т.п.

Приложение принципа уравнительной среды к истолкованию частных единообразий.

а) *первого вида* (фактора)

1) влияние на характер (на его тип)

2) влияние на половые единообразия

3) влияния на расовые единообразия (образование известного народного характера под воздействием данной среды).

б) *второго вида* (степени).

Влияние на большее единообразие на высших ступенях развития.

с) *Новые виды* частных единообразий, объясняемые преимущественно путем применения пр[инципа] трад[иционной] соц[иальной] среды.

1) Частное единообразие между членами одного и того же *эндогамического* союза, племенные или только сословные браки и т.п.

2) Частное единообразие между лицами принадлежащими к *одному и тому же сословию* (сословный дух, с[ословн]ые предрассудки и т.п.).

б) *Среда интуитивная* – т.е.

1) то *общее состояние сознания*, которое захватывает индивидов, *одновременно* входящих в состав данной группы (толпы и т.п.), обыкновенно довольно случайного происхождения, так что под его давлением и образуется между сопresentствующими известные соц[иальные] отношения.

2) *Уровень* интуитивной среды всегда определяется состоянием сознания наименее развитых членов группы, в виду чего такое скопление *может* в *эмоциональном* отношении быть выше (ценнее) отдельных индивидов, но (за редкими исключениями? – когда группа вполне определена – и значит скорее традиционного характера) обыкновенно ниже в интеллектуальном.

3) *Содержанием* общего состояния сознания являются: традиция (инстинкты, привычки и проч.), известные образы (красное знамя и т.п.), слова, формулы и т.п.

Каждый член скопления сознает свое собственное состояние сознания, как *общее всей группе*, причем сознает и *одобрение*, высказываемое всей группой данному состоянию.

4) *Разновидности* скоплений: разнородных и однородных и т.д., в зависимости от которой находится и данное частное единообразие.

Действительная среда (уравнит[ельная]) – соединение традиционной и интуитивной.

Общие выводы из принципа уравнительной среды:

1) Каждая личность, как бы велика она ни была, *зависит* от действующей на нее социальной среды в уравни[тельном] ее значении, поскольку она *отражает* ее в себе и в известной мере *представляет* то общество, к которому она принадлежит.

2) *Поскольку* люди способны *представлять* общество, в котором они живут, они *могут замещать* (но не заменять) друг друга.

2. индивидуализирующее значение соц[иальной] среды.

Т[о] е[сть] поскольку она способствует образованию *индивидуальных различий*; такое значение среды соц[иальной] можно выяснить только предпосылая: 1) что человек не кусок воска, т.е. предпосылая новый принцип – а именно *принцип личности* и 2) что среда не только однородна, но в некоторых отношениях разнородна.

Принцип личности.

С социологической т[очки] з[рения] каждый индивид представляется нам не только в виде *субъекта* как индивида, обладающего психическим единством, но и в виде *личности*, т.е. как единичного субъекта.

Предпосылки, нужные для такого понятия:

1) Даже при тождественности представлений у А и В, *порядок* в котором они накладывались друг на друга, почти всегда разный;

2) В каждом субъекте есть не только общие ему с другими, но и *одному ему присущие* свойства, ибо вероятность того, чтобы *все отдельные* свойства А оказались у В – ничтожна.

3) Между свойствами А есть *внутренняя связь* не прямо зависящая от внешней среды; то же и с В.

4) Каждый субъект (с приближением) – *единственная в своем роде комбинация* ему присущих свойств; вероятность ее повторения ничтожна.

След[овательно], даже при тождественной среде *реагирование* на нее А и В будет *не тождественно*, что тем более справедливо при наличии разнообразных элементов в среде S, благодаря которым в сущности на А действует S_1 , на В – S_2 , где $S_1 \neq S_2$.

В таком смысле можно сказать, что соц[иальная] среда порождает индивидуальные разности.

Притом личность каждая *по-своему* не только *приспособляется* к среде, но и *сознательно реагирует* на нее (причем реагирование м[ожет] б[ыть] близким к нулю или достигать ощутительных результатов).

Реагирование ее состоит в *комбинировании или противопоставлении* разных данных значений среды или элементов ее друг другу, *поскольку* она (личность) способна подвергнуть себя влиянию того, а не другого из них.

Сильно реагирующую на среду личность мы называем *великим человеком*; последний лучше других:

1) вбирает *лучшие* элементы данной культуры.

2) синтетически порождает из них (присоединяя *свое* творчество) *новый* продукт.

Разнообразные значения (реальные) принципа личности.

1. *Реальное значение личности.*

а) Значение личности преимущественно с *индивидуальной* точки зрения, как *известной централизации* (иерархической координации) данных элементов психической жизни, как подвергающейся влиянию сложной среды; чем она сложнее, тем сложнее и комбинации J.

б) Значение личности преимущественно с *коллективной* т[очки] з[рения] в зависимости от *того отношения*, в каком она стоит к *данной общественной* группе, в особенности к государству.

Личность, наделенная правами = лицо. Государство обеспечивает полноту *содержания лица*, в значительной мере почерпающего таковое (т.е. содержание) из своего общения с себе подобными, в виде *постоянной* функции возможного только благодаря государству.

2. *Фиктивное значение личности* (гл[авным] об[разом] великих людей), получаемое путем: а) концентрации – приписываний результатов одному лицу, получающему в качестве такового известное значение;

б) путем перенесения странствующих сказаний.

Главнейшие приложения принципа личности.

1) *Полная реальность* – только в конкретности.

2) [зачеркнуто: Принцип личности лежит в основе понятия о личности в *нравственном* смысле; кроме реальности возникает долженствование, ибо] каждая личность имеет *свою* цену, не однородную с другими. Т[аким] о[бразом] категория *долженствования* получает осуществление в действительности путем *комбинации ее с принципом личности*.

3) Индивидуальные разности порождают *разнообразие* социальных отношений.

4) *Разнообразии* индивидов при возможности соответствия в их действиях может способствовать *их гармонии*.

5) Сознание данным индивидом (какого бы то ни было) единообразия с другими *по контрасту* вызывает в нем стремление *дополнить* себя другими, что возможно под условием существования индивидуальных разностей.

Т[аким] о[бразом] общество в его полном значении (и долженствовании?) возникает благодаря м[ежду] пр[очим] и принципу индивидуальности.

Вышеуказанные принципы лежат в *основе построений данных социального опыта* каждого из нас.

При изложении их я нисколько не желал придавать им *догматического* характера; моя попытка дать *систематическое* обозрение тех принципов, без которых я не могу познавать *как бы* то ни было социальные факты или явления, не устраняет его *критики*; надо только помнить, что гораздо труднее что-либо *построить*, чем разрушить построенное.

Принципы *научного* изучения данных соц[иального] опыта (принципы каузальности, целесообразности, согласованности, эволюции) – мною будут рассмотрены в другой раз.

Наши авторы

- КИСЕЛЕВА
Марина Сергеевна – доктор философских наук, заведующая сектором Института философии РАН
- ДЕВЯТОВА
Светлана Владимировна – доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова
- КУПЦОВ
Владимир Иванович – доктор философских наук, академик РАО, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова
- ВОРОНЦОВА
Ирина Владимировна – кандидат богословия, кандидат исторических наук, научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета
- КОЦЮБА
Вячеслав Иванович – кандидат философских наук, доцент Московского физико-технического института
- МАЛИНОВ
Алексей Валерьевич – доктор философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета
- ТРУБНИКОВА
Надежда Николаевна – доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала “Вопросы философии”
- ТЕРЛЕЦКИЙ
Виталий Михайлович – научный сотрудник Национального научно-исследовательского института украиноведения и всемирной истории Министерства образования и науки Украины
- СОБОЛЕВА
Майя Евгеньевна – доктор философских наук, приват-доцент университета г. Марбург, Германия

CONTENTS

Discussion of the Book by Academician V.S. Stepin “Civilization and Culture”. By V.A. LEKTORSKY, B.I. PRUZHININ, V.I. ARSHINOV, V.G. BUDANOV, A.A. GUSEYNOV, A.S. ZAPESOTSKY, I.T. KASAVIN, E.A. MAMCHUR, N.M. SMIRNOVA, V.S. STEPIN, V.G. FEDOTOVA, I.V. CHERNIKOVA, M.S. KISELYOVA. The Concept of Choice in Christian and Post-Christian Cultures. S.V. DEVYATOVA, V.I. KUPTSOV. The Phenomenon of the Scientific Revolution of 17th century. I.V. VORONTSOVA. The Synthesis of Science and Religion, Experience and Belief in Theology of Archimandrite Theodore (Bukharev). V.I. KOTSUBA. Spiritual and Academic Philosophy in the Works of Archpriest V.V. Zenkovsky. Part 2. Formation of Philosophy in Russia, Spiritual and Academic Philosophy. Orthodox Philosophy. A.V. MALINOV. The Basic Principles of Neo-Kantian Philosophy of History of Lappo-Danilevsky. A.S. LAPPO-DANILEVSKY. Summa of Basic Principles of Social Science. Course 1902–1903. N.N. TRUBNIKOVA. The Heritage of Indian and Chinese Thought in “Sand and Pebbles” (Shasekishū). MUJŪ ICHIEN. Shasekishū, IV-1. V.M. TERLETSKY. Apriority and Spontaneity in Critical Philosophy of I. Kant. M.E. SOBOLEVA. Being as the Predicate: a Critical Ontology of Heinrich Rickert. BOOK REVIEWS. GENERAL INDEX.

Сдано в набор 04.09.2013   Подписано к печати 25.11.2013   Дата выхода в свет 28 еж.
Формат 70 × 100^{1/16}   Офсетная печать   Усл. печ.л. 15.6   Усл.кр.-отт. 10.8 тыс.   Уч.-изд.л. 18.9
Бум.л. 6.0   Тираж 683 экз.   Зак. 1780   Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119049 Москва, ГСП-1, Мароновский пер., 26
Телефон 8 (499) 230-79-56
Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН
Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6